

П.Л.Белков

О предмете этнопсихологии. Этнография или психология?

При решении любой задачи, связанной с изучением фольклора, ученый-этнограф постоянно сталкивается с вопросом: а что делается в смежных областях этнографии, которые хотя бы теоретически могут затрагивать эту тему? Формально одной из таких областей является этнопсихология, ибо, на первый взгляд, кажется простым и естественным, предположить, что мифы, былины, сказки и пр. отражают – неважно как – нечто такое, что связано с психологией людей. Тезис о необычайном разнообразии и в то же время удивительном единообразии фольклорных форм как бы сам собой подталкивает нас на поиски именно в этом направлении.

Возникает и чисто практическая необходимость в ответе на поставленный выше вопрос. Стоит ли тратить время на работы Алана Дандиса, посвященные психоаналитическому анализу фольклора? Например, на статьи, где мифы рассматриваются как отражение психологических состояний людей в терминах фрейдистских концепций.

Лично меня как профессионального этнографа всегда интриговал один вопрос: чем занимаются мои коллеги по этнографическому цеху, называющие себя «этнопсихологами», при том, что этнопсихология считается одной из ветвей психологии? То, что кто-то пишет статьи по «этнопсихологии», это понятно. Также понятно определение этнопсихологии как дисциплины, изучающей «этническое самосознание». Непонятно только, что такое этническое самосознание и в чем состоит процедура его изучения. На этом фоне ясно только то, что понятие этнопсихологии представляет собой постулат, обоснование которого, как и полагается, находится где-то за пределами этнографии. Само название подсказывает, что это обоснование, если оно существует, надо искать в области психологии. Здесь, разумеется, встает вопрос о том, что изучает психология.

С одной стороны, существует стандартное, википедийное определение психологии, согласно которому психология изучает *психику* людей. С другой стороны, та же Википедия утверждает, что «для современной психологии поиск предмета психологии по-прежнему остается актуальным» (ссылка на одну работу 2017 г.). Так, может быть, сначала определим, что такое психика?

Предметом исследования психологии является не «душа» (*psyche*), или сознание человека (которое я определяю как способность к *абстрагированию*), но

именно его подсознание (бессознательное), т.е. способность к *обобщению*. Подсознание – это и есть психика. Таким образом, психологи, вслед за Фрейдом указывающие на бессознательное, верно определяют предмет психологии, но неверно определяют само понятие бессознательного.

Выражаясь в стиле Хайдеггера, *под-сознание* есть *пред-сознание* (*протосознание*) – та стадия развития сознания, которую мы находим у животных. Вот, почему психология животных в отличие от психологии человека в настоящее время продолжает успешно развиваться. Все очень просто – психология животных знает свой предмет исследования, как говорят, знает, что делает. С этой точки зрения, предметом психологии человека выступают именно «пережитки» протосознания, *дологического мышления*. То, что мы называем поведением, есть проявление дологического, или, в терминах Павлова, «ручного» мышления.

Последний термин можно рассматривать как синоним *коллективного сознания*, которое, однако, не следует путать с системой установок на определенные действия, обусловленные конкретной культурной средой, или *этикетом*. В основе этикета лежит классификация человеческих поступков в процессе коммуникации. Иначе говоря, что такое хорошо и что такое плохо. Только в этом отношении *этнопсихология* приобретает смысл и право на существование в качестве субдисциплины этнографии. Этнопсихология должна изучать те особенности человеческого поведения, которые обусловлены различием этикета как составной части традиционной культуры.

Если бы западные антропологи, говоря, что их наука изучает человеческое поведение, имели в виду именно это, с ними можно было бы согласиться. Однако они-то имеют в виду совсем другое – перенос на изучение традиционной культуры методов психологии, да еще при том, что переносят они не методы, а сам предмет психологии. Так возникла культурная психология.

В отечественной этнографии «культурная психология» возникла еще в 1845 г. вместе с учреждением в рамках Русского этнографического общества Отделения этнографии в целях этнографического изучения «народности Русской» (Надеждин). Историки отечественной этнографии, кажется, не всегда отдают себе отчет в том, что под народностью в данном случае надо понимать не народ, не население (по словарю Даля, «люди, народившийся на известном пространстве»), а некую «человечность», народный дух, народную душу, проявлениями которой служат элементы культуры (идея восходит, конечно, к немецкому романтизму). Говорилось и об «этнографическом изучении Русского человека». Следовательно, «культурно-антропологические» оттенки здесь тоже присутствуют. Декларируемое родство этнографии с географией этому нисколько не мешает.

Надеждин различал понятия «народа» и «народности» в том плане, что первое составляет «предмет», а второе «содержание» (*совр.* объект) этнографии. Таким образом, он направлял главное внимание все-таки на «народность».

В такой форме – как «культурная психология» или что-то подобное – этнография в России просуществовала до конца XIX в. «Переформатировать» отечественную этнографию в соответствии с современными представлениями удалось только Миклухо-Маклаю.

Интересно, что еще совсем недавно, в конце XX в., некоторые авторы, заговорили о знаковой природе предмета этнографии, вероятно, имея в виду «структуры разума» Леви-Стросса, но на самом деле возрождая весьма ветхую, с точки зрения истории науки, идею изучения «народного духа».

В конце концов, спорить («идти») надо не от терминов, или от субъектов высказываний, а от предикатов. Этнопсихология не является частью психологии, ни с точки зрения вертикальных, ни с точки зрения горизонтальных генетических связей между этнографией и психологией. Она есть то, к чему сводили предмет этнографии тогда, когда этнографии, как принято говорить, еще и в проекте не было. Есть такое устойчивое выражение «нравы и обычаи». В настоящее время оно рассматривается как признак архаизации при определении предмета этнографии. В известном отношении, так действительно можно говорить, поскольку указание на интерес к различиям «нравов и обычаев» относится к «истории зачатия» этнографии (в «терминах и понятиях» коренных австралийцев).

Вспомним, что первоначальное выделение предмета этнографии отмечено 1607 годом под именем **Ethografia Mundi** («описание поведения») в издании некоего Иоганнеса Соммера. Однако это еще не начало этнографии как науки. Только впоследствии, когда область исследований этнографии вполне сложилась, «нравы и обычаи» стали частью её предмета. *Этнография* Соммера, как это становится видно уже из содержания подзаголовка (“**Das ist Lustige /Kurzweiliche/ doch Wahrhaftige Beschreibung der newen Welt Sitten/und Gebräuchen in Religion/Kleidung und Gewerben**”), представляет собой своего рода «кунсткамеру», экспонатами которой являются «нравы и обычаи» (Sitten und Gebräuchen).

Таким образом, в известных концепциях «бессознательного», «дологического мышления», «коллективного сознания» и т.п., которыми этнографы и психологи в течение столетия весьма оживленно обменивались на страницах научных изданий, можно найти рациональные зерна. Но, чтобы отделить их от плевел, надо сначала научиться не смешивать предмет этнографии с предметом психологии. Психология изучает *поведение* человека, а этнография изучает

(должна изучать) традиционную культуру, в том числе – в лице вспомогательной этнографической дисциплины, именуемой этнопсихологией, – она должна изучать *этикет*, т.е. то, что в обыденной речи называется «хорошим поведением», или «культурным поведением».

Таким образом, мы вводим два новых, или, лучше сказать, обновленных понятия: 1) Психология – наука, изучающая подсознательные процессы мышления человека, или психику; 2) Этнопсихология – субдисциплина этнографии, изучающая систему представлений о подобающем поведении, или этикет. По сути, это в буквальном смысле набор «этикеток» с надписью «можно» и «нельзя», навешиваемых на жесты, действия и поступки людей. Не следует только, как это делается в некоторых работах, сваливать в одну кучу элементы этикета со знаками или символами в узком смысле слова.

(Часто используемый довод о том, что этнопсихология возникла на стыке двух наук, этнографии и психологии, можно отмести сразу. Ни одна новая наука не возникала в области пересечения двух или более наук. Это логически невозможно. Нельзя сначала изобрести сложное слово (содержание понятия) для обозначения новой дисциплины, а затем выделить под это слово особый предмет исследования (объем понятия). Новую науку можно выделить только внутри одной из уже существующих наук.)

Для исследований по фольклору эти выводы имеют вполне однозначный характер: психолог в состоянии помочь этнографу, занимающемуся фольклором, или духовной культурой, не больше, чем этнографу, интересующемуся материальной культурой, например, русской избой. Вмешательство психолога в подобные исследования означает противоречие закону единства человеческой психики. Так что психологию в целом и тем более теорию Фрейда, лучше оставить в покое. Мнение Шпета, объявившего этнопсихологию (этническую психологию) отраслью психологии, является глубоко ошибочным.

Напротив, этнопсихолог (как один из «подвидов» этнографа), правильно понимающий предмет своего исследования, может быть очень полезен в этой сфере. Например, завязки всех волшебных сказок сводятся, в конечном счете, к нарушению традиционных норм этикета (= запретов), а они не всегда очевидны, особенно если имеешь дело с «чужой» культурой. Объяснение того, что можно и чего нельзя делать, в большинстве случаев опускается рассказчиком как нечто самой собой разумеющееся, а слушатель, пришедший извне, либо вообще не понимает сути рассказа, либо искажает его смысл.